

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Т.А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'57+81'371

ББК 4410.241.3

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДЕТСКИХ СЛОВОТВОРЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ: МЕТОДИКА ПРЯМОГО ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. В статье с помощью экспериментальной методики прямого толкования верифицируется вариативный потенциал и стратегии семантизации словотворческих инноваций детской речи (применительно к особенностям лингвокреативного мышления и ментальности ребенка старшего дошкольного возраста).

Ключевые слова: лингвокреативное мышление, ментальные доминанты языкового сознания ребенка, ассоциативный потенциал слова, словотворческие инновации.

Словотворческие инновации – безусловно, наиболее яркий показатель лингвокреативной природы усвоения языка в онтогенезе. Однако в данной статье речь пойдет не только и не столько о генеративных эвристиках формирующегося языкового сознания ребенка (см. [Гридина 2009, 2013]), сколько о потенциале семантического наполнения детской инновации. Совершенно очевидно, что этот потенциал задан вариативностью и нежесткостью словообразовательных алгоритмов (моделей), реализуемых в онтогенезе в соответствии с когнитивными и номинативными потребностями и достигнутым уровнем языковой компетенции ребенка. При анализе детских словотворческих инноваций остро встает вопрос о соотношении их потенциальности (в плане заданных системой языка возможностей) и

индивидуальности (в плане семантического наполнения и функциональной значимости для конкретного ребенка). Не всегда можно четко разграничить случаи омонимического словообразования и ложноэтимологической мотивации (при «сохранении» звуковой формы готового слова), а также стратегии продуцирования и репродуцирования слова в речи ребенка. Не всегда однозначно считывается использованная ребенком словообразовательная аналогия и, уж тем более, специфика смысловой идиоматики детского слова. Особым аспектом интерпретации детского словотворчества является определение его игровой природы (выявление преднамеренной интенции ребенка к созданию нового слова – с выходом в условный регистр словоупотребления). Отмеченные трудности интерпретации словотворческих инноваций ребенка во многом определяются взглядом на детскую речь с позиций взрослого языкового сознания. Этим объясняется стремление современной онтолингвистики исследовать природу лингвокреативного мышления ребенка в свете обусловленности наивной категоризацией и концептуализацией мира (см. об этом [Цейтлин 2009], [Доброва 2007], [Елисеева 2008] и др.).

Взгляд на детскую речь «изнутри» предполагает поиск таких методов ее анализа, которые отражали бы ментальный субстрат языкового сознания ребенка и причины, побуждающие его к словотворчеству. Источником такой информации являются объяснительные метаязыковые контексты – предваряющие появление словотворческой инновации или комментирующие ее содержание постфактум (часто для пояснения смысла собственного слова взрослому). Ср., например, контексты порождения слова, отсылающие к прототипу и отражающие отрефлексированность ономаσιологических структур, воплощенных в уже освоенных ребенком словах: – *Мама, если снег идет, то снегопад, а если дождь, то дождепад?* (5 л.) // Маша следит за игрой старшего брата и его друга в «Морской бой», интересуется, как называются разные корабли. Ей объясняют: «*Четырехпалубный – четырехпалубник, трехпалубный – трехпалубник...*». Та (явно с целью пошутить) задает провокационный вопрос: – *А как называется нольпалубный?* (5 л. 7 м.).

Словотворческие инновации (в том числе игровые) могут быть стимулированы рефлексией ребенка над мотивированностью «готового» производного слова. Так, четырехлетний Алеша, наблюдая в саду за бабочкой-капустницей, размышляет над тем, почему она так названа: – *Бабочка-капустница – капусту ест*. Тут же придумывает свои названия бабочек по признаку их «вкусовых предпочтений»: любит конфеты, любит котлеты, любит поесть, условно «примеряя» эти обозначения к себе и окружающим: – *Я – бабочка-конфетница. Мама – бабочка-котлетница. А Борис – бабочка едовитая – ест очень много*.

Можно говорить о двоякой функциональной направленности мотивационного комментария ребенка к собственным инновациям: объяснительной и вероятно-прогнозирующей. Ср. примеры подобного комментирования: – *Бабушка, а у нас в группе Ваня бананией заболел. Он бананов объелся* (Владик, 6 л.) // Воспитательница просит Кристину надеть кофточку, висящую на спинке ее кровати. Девочка протестует: – *Это Алленькая кофточка*. Видя непонимание, поясняет: *Это не моя..., это кофточка Аллы!* (Кристина, 4 г.) // *Мама, бабник – это тот, кто снежных баб делает?* (Полина, 5 л.). В последнем случае перед нами версия относительно возможного значения слова (в опоре на актуальный для ребенка смысл мотиватора *баба* в уже существующем узуальном слове). Иногда трудно отличить такие случаи от фактов детского омонимического словообразования: (Рассказывая о старшем брате): – *Коля – садист, он в садик ходит. А я домовой – дома сижу* (5 л.). Препозиция мотивационного перифраза по отношению к детской инновации в ряде случаев может свидетельствовать в пользу омонимического словообразования, постпозиция – в пользу парадоксального переосмысления готового слова. Однако этот критерий далеко не всегда «срабатывает» (в частности, при неполноте ситуативного контекста – как в данном случае – трудно сделать однозначный вывод об использованной ребенком страгегии).

Особую функцию имеет уточняющий метаязыковой комментарий ребенка, касающийся ситуативной коррекции структурного облика слова применительно к выражаемому им значе-

нию: – *Бабушка, я не баловник, а балунишка, потому что я еще маленький* (Коля, 4 г.).

Еще раз отметим важность учета показаний языкового сознания ребенка, зафиксированных в его спонтанной речи в виде поясняющих или вероятностно-прогнозирующих комментариев к употребляемым словам (в нашем случае – к собственным словотворческим инновациям).

Однако подобными комментариями «сопровождаются» далеко не все детские инновации, что заставляет обратиться к экспериментальным методам исследования лингвокреативного мышления ребенка, нацеленным на актуализацию его метаязыковой (прежде всего мотивационной) рефлексии. К такого рода экспериментальным процедурам относится, в частности, *методика прямого толкования*, когда испытуемым предлагается любым способом объяснить значение предъявленных слов. Считается, что в ходе подобного объяснения обнаруживается психологическая реальность значения слова в сознании респондента, выявляются актуальные для говорящего смыслы, в том числе и личностные. Кроме того, сам выбранный способ толкования слова показателен в плане используемой респондентами языковой техники (устанавливаемых вербальных ассоциаций).

В нашем случае в качестве стимульного материала были использованы словотворческие инновации детей в возрасте 5–6-ти лет, извлеченные из словарей детской речи [Харченко 1994, Гридина 2012], а в качестве испытуемых выступили дети того же возраста, что и авторы инноваций (всего 14 детей старшей группы детского сада № 405 «Родничок» г. Екатеринбурга: 10 девочек, 4 мальчика).

За основу экспериментальной гипотезы было взято предположение относительно того, что толкования соответствующих словотворческих инноваций должны проявить, во-первых, потенциальные актуализации их значений детьми того же возраста; во-вторых, общие и индивидуальные смыслы предложенных слов; в-третьих, приоритетные для детей стратегии толкования; в-четвертых, способность ребенка к считыванию содержания словотворческой инновации с учетом использованной ее автором лингвокреативной «техники».

Для проведения эксперимента были отобраны следующие словообразовательные инновации: *балунишка, барахина, безмамный, беспорядочница, говоритель, завийка, замолоточить, измазучиться, лошадёнок, наподушник, неблако, окоровиться, петушица, поливайка, пополамки, принцессята, старёжь*.

Выбор стимульного материала определялся с учетом: 1) характера словообразовательной аналогии (соответствия детской инновации продуктивной / непродуктивной модели или слову-образцу); 2) наличия / отсутствия у слова узуального однословного синонима (фактор, определяющий специфику номинативной функции детского слова и причину «невозможности» узуальной номинации в речи ребенка); 3) способа словообразования и его «популярности» в речи детей данной возрастной группы.

Инструкция задавалась детям в устной форме в виде игрового вопроса: «Догадайтесь, что это за слово: *кого* или *что* оно называет?». При предъявлении конкретных слов вопрос мог уточняться с учетом маркеров грамматической принадлежности слова: «*Замолоточить* – это что сделать?». Ответы, полученные от всех респондентов на каждый из стимулов, были объединены в некие «семантические гнезда» потенциальных толкований одной и той же детской инновации (с указанием количественного индекса их частотности, при совпадении реакций). Такое представление материала позволило выявить разные стратегии семантизации детьми-респондентами словотворческой инновации в сравнении с ее исходным значением, зафиксированным в живой детской речи. В основу определения стратегии осмысления слова нами был положен признак использованного ребенком способа его толкования. Среди таких способов выделяются: 1) синонимизация – подбор однословного узуального эквивалента, который с точки зрения ребенка соответствует значению окказионального слова [Гридина 2012]; при этом в качестве синонимичных рассматриваются и «нестрогие», частичные синонимы, так называемые квазисинонимы [Палкин 2010]; 2) антонимизация – толкование через актуальное для ребенка противопоставление, не обязательно соответствующее реальному антониму (даже если таковой имеется в языке); 3) развернутое тол-

кование (описательный способ семантизации) слова [Гридина 2012]; 4) категоризация – введение слова в более широкую категорию, в известную ребёнку систему понятий [Палкин 2010]; генерализация (в том числе на субъективном основании); 5) конкретизация – толкование значения слова с использованием таких описательных средств, которые выделяют актуальные для ребенка отличительные признаки слова; 6) контекстуализация – введение слова в некоторый контекст: данная стратегия предполагает выбор и называние определённой ситуации, в которой дефинируемое слово может фигурировать [Палкин 2010]; 7) мотивационный перифраз – синонимический текст, содержащий мотиватор, в опоре на который выводится значение производного слова [Гридина 2012]; 8) толкование через однокоренное слово [Палкин 2010], в том числе подбор синонима с тем же корнем, но иной структуры; 9) толкование в опоре на симпрактический контекст: «вплетение слова в практическую ситуацию», неразрывно «связанную с каким-то действием»; ведущую роль в данном случае играет наглядный опыт, который имел «решающее значение для ребёнка, его память, воспроизводящая определённую ситуацию» [Лурия 1998: 35-36]; 10) креативная стратегия, которая заключается в создании респондентом-ребенком собственного окказионализма, отражающего понимание им предъявленной стимульной (словообразовательной) инновации (в том числе осознанно игровой); 11) прецедентная стратегия осмысления значения словотворческой детской инновации – толкование через отсылку к цитате из области детской субкультуры (детской литературы, детского фольклора), а также к любым другим культурным прецедентам (названиям кинофильмов, рекламным слоганам, ходячим шуткам и т.п.), с которыми у детей ассоциируется соответствующее слово; 12) смешанная (разнотипная) стратегия толкования.

Приведем примеры реализации данных стратегий в составе нескольких «семантических гнезд», представленных совокупностью полученных в эксперименте толкований на отдельные стимулы.

БАЛУНИШКА. – *Бабушка, я не баловник, а балунишка, потому что я еще маленький* (Коля, 5л.) [Гридина 2012]. Контаминация *баловник* и *шалунишка*¹.

Реакции, полученные на стимул <i>балунишка</i>	Стратегии толкования
Баловство	Толкование через однокоренное слово, в опредмеченном («совокупном») виде указывающее на поведение ребенка, который балуется. Второй компонент контаминанта <i>балунишка</i> явно не считан (очевидно, слово осмыслено как связанное с <i>баловаться</i> , <i>баловство</i> – с прева-лированием акцента восприятия на корневой морфеме). Ассоциация с мотиватором <i>шалунишка</i> не актуализирована.
Кто балуется	Мотивационный перифраз, свидетельствующий в пользу способа прямого суффиксального образования инновации. Вполне вероятно чересступенчатое словообразование <i>баловаться</i> – балУН/ИШКА (при пропуске потенциального промежуточного звена <i>балун</i>).
Забияка	Синонимизация, выявляющая представления детей об отличительных чертах поведения баловника (<i>балунишки</i>), не одобряемых взрослыми.
Хулиган (3)	
Проказник (2)	
Задирается	Конкретизация. Выделяется конкретный признак, который, по мнению ребенка, характеризует поведение <i>балунишки</i> .

¹ Не исключена и вероятность уточняющей реноминации путем «замены» суффикса в слове *баловник* на *-шик* – при актуализации его уменьшительного значения и структурной аналогии с синонимичным *шалунишка*. Возможно объяснение детской инновации и как результата прямого суффиксального (чересступенчатого) словообразования.

Непослушный, не слушается	Конкретизация в опоре на актуальный для детей оценочный эталон плохого поведения.
Нехороший (3)	Конкретизация по общеоценочному основанию «плохой (нехороший) – хороший».

Таким образом, в приведенных толкованиях слова *балунишка* акцентировано значение корневой морфемы (ср. *баловство, балуется*); ассоциативный контекст слова проявляет векторы его оценочной концептуализации в сознании ребенка (ср. *нехороший, непослушный забияка, проказник, задирается, хулиган*). Отметим, что две последних ассоциации даны *мальчиками* (а первые четыре – *девочками*). И использованные респондентами-детьми стратегии семантизации слова показательны в плане их конкретизирующей направленности, характерной для мышления ребенка-дошкольника.

БАРАНИХА. Овца. Жена барана. Рассуждает вслух: – *У кота есть кошка, у зайца – зайчиха, а у барана кто жена? Бараниха?* (Паша, 5 л.) [Гридина 2012]. В качестве аналогии выступает продуктивная словообразовательная модель номинации женской особи животного с суффиксом *-их(а)*, см. представленное в детском высказывании *зайчиха* (ср. также *крольчиха, ежиха, слониха* и т.п. узуальные единицы). Подобные инновации отражают характерную для детской речи тенденцию к «симметричному словообразованию» [Гридина 2006], в частности, «неприятие» супплетивизма, а также антропоморфизацию грамматического противопоставления по роду (бараниха = жена барана). Контекст детской инновации имеет характер метаязыковой рефлексии над структурой парных номинаций животных (противопоставляемых по полу) и дает основания предположить, что ребенок не соотносит узуальные наименования *баран* и *овца* как парные (вряд ли пятилетнему ребенку неизвестно само слово *овечка*).

Реакции, полученные на стимул <i>бараниха</i>	Стратегии толкования
Бараниха (3)	Простой повтор стимульного слова (в данном случае, возможно, дети либо не поняли инструкцию дать толкование слова, либо само значение инновации оказалось для них самоочевидным). Действительно, предъявленная детская инновация имеет потенциальный характер и прозрачна по своей мотивации.
Барашка (3) Бараница	Креативная стратегия, связанная с предъявлением детьми в качестве толкования собственных вариантов названия (в данном случае потенциальных словообразовательных номинаций по аналогии с существующими «образцами»: кошка, волчица и т.п.). Возможно, <i>барашка</i> – парная номинация, «отзеркаливающая» структуру мотиватора <i>барашек</i> (с коннотацией уменьшительности и ласкательности, свойственной таким суффиксальным образованиям).
Овечка	Толкование при помощи узуального эквивалента (с актуальным для ребенка уменьшительно-ласкательным формантом).
Девочка	Категоризация по признаку «женскости» с помощью актуальных для ребенка эталонных маркёров разграничения по полу (проявление антропоморфной доминанты детского языкового сознания).
Жена барана (2) Сестрица барана	Мотивационный перифраз с актуализацией «семейной» антропоморфной аналогии. В данном случае интересно в плане индивидуальности подбираемых

	<p>ребенком идентификаторов пола слово <i>сестрица</i> (на фоне наиболее частотной аналогии <i>муж – жена</i>).</p> <p>Вместе с тем половое противопоставление <i>баран – бараниха</i> по модели <i>брат – сестра</i> находит отражение в системе актуальных для ребенка ментальных ориентиров (использовании в качестве гендерных идентификаторов номинаций родственных отношений). Ср.: <i>сестрица</i> Аленушка и <i>братец</i> Иванушка.</p>
Коза рогатая	<p>Прецедентная стратегия (клише из детского стишка «Идет коза рогатая, идет коза бодатая...»). Срабатывает фактор ассоциативной смежности и, вероятно, ошибочная категоризация при соотнесении названия <i>бараниха</i> с определенным видом женских особей известных ребенку домашних животных (смещение <i>овца</i> и <i>коза</i>).</p>
Мемекает (смеется)	<p>Звукоподражательная номинация симпрактического характера (судя по эмоциональной реакции, имеет шуточный характер).</p>

Восприятие инновации *бараниха* в экспериментальном регистре обнаруживает вполне ожидаемые направления ее осмысления детьми и в то же время выявляет потенциал ассоциативного наполнения слова в зависимости от общих и индивидуальных черт когнитивного и языкового развития ребенка (в том числе зависящий и от гендерных различий). Так, реакции *барашка*, *сестрица барана*, *овечка*, *девочка* (с коннотацией ласкательности и невзрослости) отмечены у *девочек*; реакции *жена барана*, *коза рогатая*, *мемекает* – у *мальчиков*).

БЕЗМАМНЫЙ. О бездомной собаке-дворняге. – *Давай возьмем собачку домой, а то она безмамная* (5 л.) [Гридина

2012]. Слово образовано конфиксальным способом по аналогии с *бездомный*. Мотиватор *без мамы* является для сознания ребенка актуальным ситуативным эталоном в выражении значения «одинокий, никому не нужный».

Реакции, полученные на стимул <i>безмамный</i>	Стратегии толкования
Он без мамы (3) У него нет мамы (4)	Мотивационный перифраз, буквально толкующий значение инновации.
Родителей у него нет	Генерализация (метонимическое расширение значения: без мамы – без родителей).
Значит он один	Генерализация в форме обобщающего вывода: на основе считанной мотивационной формы <i>без мамы</i> по ассоциативной связи с <i>один</i> делается заключение о значении слова.
Одинокий (2)	Синонимизация (отождествление) с узуальным словом по актуальному для респондентов значению.
О нем никто не заботится	Конкретизация в опоре на симпрактический контекст.
Бездомный	Синонимизация. Идентификация со значением узуального прототипа (<i>бездомный</i>).
Хозяина у него нет	Конкретизация (актуальный ситуативный эталон восприятия слова <i>безмамный</i> – представление о бездомной собаке, у которой нет хозяина). Ср. типовой контекст <i>бездомная собака</i> .

В целом отметим тот факт, что мотивационное значение и мотивационная форма данной детской инновации легко считывается (см. самую частотную стратегию её семантизации через мотивационный перифраз), однако буквальным толкованием на

основе отсылки к мотиватору ассоциативная «проекция» прилагательного *безмамный* не исчерпывается (см. комментарий, представленный в таблице).

Не рассматривая (в силу ограниченного объема статьи) все экспериментальные версии толкования предъявленных стимулов, приведем некоторые наиболее интересные их интерпретации в рамках креативной (словотворческой) стратегии, когда дети реагируют на предъявленную инновацию собственным новообразованием. Например, **беспорядчица** («женщина, допустившая беспорядок²»: Лера бабушке во время ремонта. – *Бабушка, какая ты беспорядчица!* (6 л.) [Харченко 1994]) – **неприберун, беспорядна** (очевидно, усеченная форма от *беспорядный*), **беспорядчица** (также от *беспорядный*)³; **говоритель** («рассказчик»: – *А он говорит хороший* (5 л.) [Харченко 1994]) – **говорилка, говорюша, долгоговоритель; неблако** («облако на небе»: Поймал божью коровку. Приговаривает: *«Божья коровка, улети на небко...»*. Спрашивает маму: – *А она на неблаке живет?* (5л.) [Гридина 2012]) – **дождеблоко** (с пояснением: *дождик из облака капает*; явно рифмованное словообразование по образцу – при считанном значении прототипа «облако на небе»).

Случаи использования прецедентной стратегии семантизации достаточно редки (ср. *коза рогатая* на стимул *бараниха*; **Федорино горе** – на стимул *беспорядчица*), однако они, безусловно, намечают некоторую перспективу актуализации культурного слоя ассоциативного контекста слова в сознании ребен-

---

² Отметим несколько искусственный характер представления значения слова в сформулированной автором версии, ощущаемый на фоне полученных в экспериментальных условиях детских толкований инновации. Этот факт еще раз заставляет задуматься о проблеме лексикографического представления семантики инноваций ребенка (в плане следования «взрослой» или «детской» логике из интерпретации).

³ Ср. потенциальность прилагательного *беспорядный* как результата «упрощения» суффиксального комплекса основы -оч/н (беспорядок – беспорядоч/н/ый) по аналогии с образцами типа *беспородный* и т.п., созданных при помощи конфикса без-...-н- от существительных. И соответственно порождение *беспорядчица* на фоне аналогий с *бесстыдница* и другими производными с суф. -ниц(а).

ка. Думается, что эта информация как важная составляющая психологической реальности значения должна иметь самостоятельную «паспортизацию» в словарях детской речи. Ср. в этой связи разрабатываемые модели представления лингвокультурологической информации в словарях современного русского языка (см. [Коновалова 2012]).

Симпрактический контекст толкования слова, как показывает экспериментальный материал, еще актуален для старших дошкольников и соответственно весьма информативен в плане анализа личностных проекций восприятия детьми значений инноваций, ср., например: **беспорядочница** – «когда дети дома разбросали»; «она никогда не прибирается»; **замолоточить** – «стучим по гвоздикам»; **измазучиться** – «шлепнулся в лужу»; **поливайка** – «из лейки поливать цветы»; **пополамки** (половинки) – «одно яблоко надо отдать» и т.п. То же можно сказать и о востребованных детьми стратегиях конкретизации и синонимизации (см. приведенные выше примеры), которые свидетельствуют о тесном взаимодействии когнитивного и языкового субстрата в речевых практиках ребенка.

Особо отметим толкования, индивидуальное семантическое наполнение (считывание) которых обусловлено нереализованным в узусе потенциалом словообразовательной модели: например: **поливайка** – человек, который поливает цветы» (при исходном употреблении данного детского слова в значении «лейка»; широкое значение суффикса «покрывает» и значение лица, и значение предметности); **окоровиться** «отелиться»: – *У бабы Нюры вчера корова окоровилась* (5 л.) [Гридина 2012], ср. варианты семантизации данного слова детьми-респондентами: «молоко дала корова»; «корова паслась на лугу»; «значит, у коровы телятки»; **бояхина** «боязливый человек, боязливое существо: – *Мам, когда снежок, мухи боятся снега? – Боятся! – Ах, бояхины, бояхины* (4 г. 10 м.) [Харченко 1994]; ср. толкования детей-респондентов: «которая всех боится», «которую все боятся» (мена субъектно-объектных позиций при толковании слова, вполне допускаемая потенциальным функционалом данной модели).

Заключая сказанное, подчеркнем значимость экспериментальных исследований детской речи для лексикографической

практики, в частности, для словарей объяснительного типа, где бы толкование детских инноваций осуществлялось в опоре на показания языкового сознания ребенка, с учетом экспериментальной верификации семантического (в том числе игрового) потенциала детского слова (подробнее см. [Гридина 2013]).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детской речи. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детской речи: лексикографический проект // Филологический класс. 2013. №2 (32). С. 7–12.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива–1: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009 (1-е изд.), 2013 (2-е изд.).

Доброва Г.Р. Возрастная онтолингвистика: к постановке вопроса // Проблемы онтолингвистики–2007: материалы междунар. конф.: 210-летию РГПУ им. А.И. Герцена посвящается, Санкт-Петербург, 21–27 мая 2007 г. – СПб., 2007. С. 57–64.

Елисеева М.Б. Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста: монография. – СПб., 2008.

Коновалова Н.И. Модель описания культурной семантики языковых единиц в словаре // Педагогическое образование и наука. 2012. № 11. С. 18–21.

Лурия А.Р. Язык и сознание. – М., 1998.

Палкин А.Д. Практикум по возрастной психолингвистике: учеб. пособие. – М., 2010.

Харченко В.К. Словарь детской речи. – Белгород, 2004.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

© Гридина Т.А., 2013